

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Доигрались. Глава 1: Аутентичность

Мы встречаемся на площади Ленина. Обнимаю и целую девушку в щеку. Отодвигаемся и смотрим друг на друга. Мысленно благодарю бога и, да чего уж там, черный форум за такой чудесный подарок. Как ты, Ая. Наше первое и, надеюсь, не последнее свидание. Или все же правильнее будет назвать нашу встречу взаимным собеседованием на практике?..

Девушке чуть больше двадцати лет. Волосы. Длинные, до попы и дальше вниз. Измученные и, по всей видимости, не долюбленные. Лицо. Округлые скулы с оттенками якутско-китайского суржика. Луноликая красавица. Глаза. Раскосые, зеленые, припрятанные за линзами очков. Губы. Довольно чувственные. Впрочем, сейчас они глупо кривятся в улыбке. Приятной, надо сказать, улыбке. Телосложение. Худощавое. Длинные тонкие пальцы. выступающие ключицы (это предположение, ха), едва заметная грудь. Уверенная единичка. Зато с проколами в крупных сосках, которые заметно выделяются на ткани обтягивающего топика (без лифчика). Пупок тоже проколот оригинальным дракончиком. Любопытно. И ноги. Очень стройные ноги. Так, челюсть подобрал и в бой...

— Привет, Ая. — протягиваю девушке руку.

— Здравствуй, Доигрались! — Ая пожимает ее в ответ.

— Ага, но не сегодня. Хотя, скоро мы все будем такими. Заигравшимися и доигравшимися. Или нет. Кто знает — промолчит. Вот мы и увиделись. Не разочарована и по-прежнему думаешь, что мы можем быть друг другу приятными в интимных и, скажем так, рабочих отношениях?

Ая сканирует меня оценивающим взглядом (примерно, как я за минуту до этого) и ее улыбка становится шире. Или наглее?..

— Нет. Не разочарована, не передумала и голова не болит. Так что приятно познакомиться.

— Взаимно. Тогда вот тебе первое послушание. Обращаешься ко мне в присутствии других людей только словом «Хозяин». Это понятно?

Ая задумывается, но кивает серьезно в ответ. Правда, тут же хитрит.

— А без одного присутствия?

— А без одного — с улыбкой и замашками чеширского кота. — отвечаю любовно я.

— Хых. Заметано. Идем что ли уже? А то на электричку опоздаем.

— Не бойсь. Без нас не уедут.

Беру Аю за руку и вместе идем на встречу своему счастью, дорога к которому в настоящий момент пролегает через Финляндский вокзал. Да, это, мать его, Питер. Самый лучший город на Земле. Что бы при этом не думали про себя другие города, деревни и мировые пустоши...

Входим в здание вокзала. Многие в масках. Как и было предсказано на зимнем лабораториуме Переслегиных, распространение империи носит эпидемиологический характер. Или пока еще рано? Но точно не экспоненциальный. С поправкой, видимо, на ветер. Надо полагать.

Этим летним субботним утром на вокзале народ в наличии имеется. Да и хули тут сомневаться. Все, кто еще не свалил в пятницу, рвут когти сейчас. Что ж, присоединимся и мы. Ладога ждет. Окидываю взглядом зал. По левому краю, ближе к выходу на пути, второй и третий ряд. Два свободных места друг напротив друга. Соседи только с одной стороны. Чьи-то баулы и юная парочка — парень с девушкой целуются. Отлично. Сейчас будет спектакль.

— Нам туда. Видишь, вон там, в углу, интимничают. Щемись к ним, а я пока билеты возьму.

— отпускаю Аю и устремляюсь к кассе.

Стараюсь никого не зацепить своим 120-литровым басковским рюкзаком.

— Здравствуйте. Два до Приозерска, пожалуйста. И один багаж.

До отправления электрички еще полчаса. Можно и пошалить. Оплачиваю, беру билеты и подхожу к Ае. Скидываю рюкзак рядом с другими баулами, напротив ребят. На колени кладу сумку Ojas. Так, теперь вблизи Аю вижу я, ребята и те, кто проходят мимо касс к выходу на железнодорожные пути. Отлично. Усаживаюсь поудобнее, рядом с целующейся парочкой.

Сидим, улыбаемся. Ребята демонстративно целуются, делая вид, что им нет никакого дела до нас. И только парень косится на ножки Аи. Ничто же сумняшеся, расстегиваю змейку отделения сумки и достаю джинсовую мини-юбку. Длина то ли 20, то ли 18 сантиметров. С размером, думаю, угадал.

— Держи. Это подарок. Примерь. — протягиваю юбку моей скво.

Ая наклоняется и берет ее в руки. Хмурится, рассматривая обновку.

— Благодарю, Хозяин. Я тогда в туалет?

— Нет. Одевай. Здесь и сейчас.

Мы говорим достаточно громко, чтобы нас услышали ребята. Так и есть. Они прекращают свое шоу и, переглядываясь, смотрят теперь исключительно на нас. А у нас в квартире газ, а у вас? Стоп, команды растекаться маслом по дереву не было. Ая краснеет, хмурится. Видно, что внутри нее идет борьба.

— Быстрее. Это не задача трех тел, а лишь одного, твоего собственного. — подгоняю девушку.

Наконец, хмурость ее лица переходит в зарождающуюся похоть. Что ж, приятно видеть. Я в ней не ошибся. Надо бы и мне оправдать ее доверие. По-чеснаку, можно было бы и предупредить. Но это скучно и грустно. В общем, не наш метод. А наш заключается в следующем. Понимая, что продолжение марлезонского балета не за горами, беру в руку мобильную трудягу — хуавеюшку, сороковую прошку с плюсом. Пока еще китайский (наш, по ходу, колобком в печке томится) ответ чемберленским гугловодам и прочим санкционным мастерам-затейникам. На камере выбираю «ширик», отклоняюсь чуть в сторону прохода и навожу на Аю. Парочка, кстати, тоже попадает в объектив камеры. Круто, че.

Ая, заметно мандражируя и краснея (насколько, это вообще возможно для ее азиатского типажа), кладет юбку на таки пригодившиеся соседские баулы и двумя руками расстегивает пуговицы на шортах. Скашиваю взгляд на зацелованную парнем девушку. Упс. Она краснеет тоже и даже с каким-то, по-детски щенячьим удивлением приоткрывает рот и облизывает губы. Тем временем Ая, привстает и медленно, смотря мне в глаза, снимает шорты и выпрямляется в полный рост. Трусы. Обычные, белые, с няшными котятками. Плотно облегают небритый (весьма вероятно, да) лобок и промежность. Некоторые проходящие со стороны касс с недоумением косятся на девушку, демонстрирующую свое нижнее белье. Ая снова берет в руки мини-юбку и одевает. Длины юбки лишь едва-едва хватает, чтобы прикрыть промежность. При условии, что девушка будет стоять ровно, а не нагибаться или сидеть. В талии юбка подошла идеально, да и не бедрах сидит хорошо. Здорово, великолепно! Ая садится и, положив руки на колени, обращается ко мне, улыбаясь.

— Немного тесновато и слегка нескромно, как по мне, но в целом ничего. Благодарю, еще раз Хозяин.

— Носи с вожделением, милая. — поворачиваясь к ребятам, спрашиваю — Ну, как? Вам

понравилось?

Те, наконец опомнившись, хором и с некоторым вызовом отвечают.

— Да!

— Добавки хотите? По глазам вижу, что хотите. — ухмыляюсь я. — Ая, трусы тебе больше на сегодня не нужны. Сними их и отдай мне.

И все это через объектив мобильной камеры. Пауза. Заминка. Но Ая решает идти до конца, подыгрывая предложенному ей сюжету.

— Да, Хозяин.

Ая снова встает в полный рост, закатывает юбку на пояс, наклоняется и снимает трусы, оголяя темный пушистый лобок. Ее торчащие соски (сантиметра два, наверное) выдают возбуждение девушки. Я успеваю переключиться на макро и сделать снимок ее промежности. Ая одергивает края юбки и вся пунцовая, но довольная протягивает свой эстафетный приз. Я охотно его принимаю и рассматриваю. Так и есть — спереди хорошо заметна влажная полоска. Не смотря весь испытываемый девушкой стыд, Ая течет.

Все течет и все меняется. И это, как по мне, хороший знак на пути к светлому будущему. Или прошлому, ведь никто не скажет, что оно у нас темное. Всего то и надо — запастись впрок пассионарностью, как поп-корном в кино (фу-фу, это наше табу), и чего-нибудь учудить.

Чудите, господа-товарищи, чудите и обрящете...

А пока, я подношу трусы к носу и вдыхаю аромат потекшей пизденки. Открываю рот и слегка провожу языком по влажному месту, пробуя вкус моей скво. Обращаю внимание на ребят, которые снова в ступоре от такой провокации. Усилим эффект. Поворачиваюсь к девушке парня и подношу ей трусы прямо к лицу, касаясь носа и рта, и наблюдая за тем, как отдельная корона-вирусная бригада специального назначения захватывает новую высоту. Говорю: — Хочешь понюхать? Нет? Ну, и зря. Лишаешь себя удовольствия...

Девушка вскакивает и убегает. Парень бросается за ней. А за ними вся королевская конница и вся королевская рать. Ведь на табло расписания загорается цифра пять, аккуратно напротив надписи «Кузнечное». А, значит, пора и нам в пляс.

Я прячу трусы в сумку. Они нам еще пригодятся в нашем повествовании. Не могу устоять перед желанием и открываю сделанный только что снимок. А вот и девчачья изюминка. Несмотря на тайгу между ног у Аи (не подумайте ничего плохого, мне нравятся все природно-климатические зоны нашей необъятной Родины), крупный клитор белухой выделяется на ее фоне.

— Иди сюда, Ая. Посмотри на это чудо у тебя между ног.

Ая норовит сесть рядом, но я убираю сумку и усаживаю девушку к себе на колени. Подруга с интересом разглядывает снимок. Спустя какое-то время Ая произносит:

— Теперь мое лицо горит так, словно ты надавал мне пощечин... Но, я хочу тебя. Еще больше, по-другому. Как и всегда — иначе. Благодарю тебя, Хозяин.

Одной рукой обнимаю Аю сильнее, а вторую кладу ей между ног, ладонью накрываю вагину. Два моих пальца уже внутри девушки. Слышу вздох и легкий стон. Ая то сжимает, то раздвигает ноги. Достая руку и облизываю пальцы. Затем обращаюсь к милой.

— Открой рот, моя девочка.

Ая с каким-то животным придыханием и всхлипом всасывает мои пальцы. Да, это пока не член, но уже обещание. Милая встряхивает головой и ее длинные волосы окутывают нашу близость, создавая иллюзию вечного уединения, покоя и странной спутанности...

Мы наслаждаемся музыкой Миры/IsHome. Альбом Confession. После трека Ken Tavr возникает желание поговорить. До Приозерска ехать еще два с половиной часа, а, значит, позволить себе можем многое и всякое. Случайно или нет, синхронно снимаем наушники. Толкаю речь:

— Что бы мы не предприняли в этом мире, скорее всего этой девочке не выжить. Процесс саморазрушения личности зашел слишком далеко. «Белый снег» практически не оставил ей шансов. Но мы можем сделать ставку на твой «Тихий дождь» и наше совместное путешествие в мир иной. Это, конечно же, игра на повышение. Потому что, во-первых, смертельный риск мы разделяем на троих, а, во-вторых, добавляем неопределенность аутентичности вернувшихся нас.

Ая на какое-то время задумывается, а потом отвечает:

— Послушай, но ведь это же классический принцип драматургии, по которому создаются абсолютно все литературные сюжеты. Причем, хорошие.

— Так то, оно так. Про это еще Аристотель в своей Поэтике, кажется, писал. Но ты подумай о возможных последствиях. Вспомни фильм «Чужой» Ридли Скотта, роман «Пришествие ночи» Питера Гамильтона и любимую всеми нами, русскими, цитату «после возвращения оттуда ваш муж стал другим»...

— Хм. Последнее весьма в тему, Хозяин...

— Думаешь, погорячился? Возможно. Ну, тогда дух-мститель Акакия Акакиевича из рассказа «Шинель» Гоголя, который стал мочить прохожих в шинелях. Тебе, девчонке или нашему гребаному миру это надо?

— Переживаешь за прохожих в шинелях?..

— А я тебе отвечу. «В моем городе самая тяжелая работа — любить кого-то». Да, переживаю, потому что люблю. Людей. Из нашего с тобой бытия. А вот кого будет любить химерическая личность из не-бытия — «большой секрет для маленькой компании»...

— А бэкап сознания вас в Хогвартсе делать не научили? — ухмыляется Ая.

— Хорош стебаться, Ая. А то не видать тебе порки, как своих ушей. Будешь как героиня фильма «Секретарша» сама себя охаживать. Смотрела?

— А то!

— А «9 песен»? Там в конце концов девушка с вибратором подружилась. Это при живом то любовнике. Но я вот сейчас думаю, что бэкап сознания — идея зачетная. Смогешь?

— Я «Тихий дождь» три года мурыжила. С твоих слов, у нашей девчонки столько времени на ожидание нет.

— И снова правда. Здесь конфету доставать пока рано, здесь сперва подумать надо. — чешу репу. — Лады. Со смертью мы, возможно, договоримся. А вот проблема аутентичности, чую, за нами смотрит с прищуром. В общем, ты тоже поразмышляй о суетности бытия и небытия.

— Эх. Многая знания, многая печали. Хозяин?

— Да?

— Мм. Потрогай меня там, пожалуйста...

Разворачиваюсь к Ае и смотрю на нее с удивлением, уважением и восхищением.

С самого начала пути перед нами сидит девушка в коротком цветастом сарафане, симпатичная, юная, с копной огненно рыжих волос, с веснушками на лице и очень длинными пальцами (ага, мой фетиш). И делает зарисовки на планшете. Также, как и мы, она в наушниках, слушает музыку. Смотрит периодически в окно, иногда на нас.

После такой просьбы Ая убирает руки с колен и раздвигает ноги. Незнакомка замечает ее телодвижения и с неподдельным интересом смотрит на нас. Я обнимаю Аю левой рукой, а правую кладу ей на бедро. Глажу. Смотрю на нашу соседку. Та разворачивается от окна и садится вполборота к нам. Начинает зарисовывать нашу сценку. Умница. Неожиданно поезд сильно дергает и она разводит коленки. Опускаю взгляд ей между ног. На ней красные прозрачные трусы (очевидно, стринги). Треугольник сеточки лишь условно прикрывает ее промежность спереди. Никаких волос. Мне отчетливо видны ее большие половые губы, закрывающие щелку. Отвлекаюсь от во всю текущей пизденки Аи и беру хуавеюшку. Дождавшись момента, когда девушка сделает очередной штрих на рисунке, фотографирую ее. Сначала всю, потом портрет и, наконец, макро эротичной картины ниже пояса. Дождавшись, когда она снова посмотрит в нашу сторону, разворачиваю экран смартфона к ней. Листаю сделанные только что фотографии. На последней девушка заливается краской стыда и резко сводит коленки вместе. Но через какое-то мгновение, преодолевая себя, улыбается мне и слегка разводит их обратно. Я же говорю, что умница. Ей стыдно и весело одновременно. Любопытно. Протягиваю ей гаджет.

— Возьми, пожалуйста.

Она кивает, откладывает в сторону планшет и стилус. Берет смартфон. Я оставляю Аю и подсаживаюсь к находчивой художнице.

— Смотри. Все просто. Это ширик, режим портретной съемки, макро. Зум. Попробуешь все варианты. И не стесняйся. Хочу увидеть фото пизды крупным планом. Поняла?

— Мм... Да... Хорошо... Я... Постараюсь. — краснея (если это вообще возможно) еще больше и запинаясь, отвечает девушка.

Объясняя, приобнимаю девушку. Слегка сжимаю ее плечо и пальцем левой руки оттопыриваю бретельку. Смотрю в вырез сарафана. Двочка. Веснушки притаились и здесь. Крупный вишневый сосок. Она замечает мой маневр, но не пытается высвободиться. Лишь смущенно смотрит вниз, в пол.

— Попробуй. Сделай сначала крупный план вагины.

Девушка включает макро, опускает руку со смартфоном вниз, поворачивает его тыльной стороной к себе, раздвигает пошире колени и пытается таким способом сфотографировать вагину. Свою пизду, Карл!

— Что ты делаешь? — забираю у нее смартфон.

Девушка поворачивает красное от стыда и непонимания лицо ко мне.

— Но... Вы же сказали... Сфотографировать... Вагину. — тихо, почти шепотом произносит она.

— Моей подруги. — беру девушку за подбородок и поворачиваю ее голову в сторону Аи.

Ая, наблюдающая за нами все это время, начинает смеяться. Громче и громче. С соседних рядов начинают на нас коситься. Она всхлипывает и замолкает. Художница вскакивает и выбегает в тамбур. Блин. Иду утешать Лисенку (откуда я знаю, что ее так зовут?). Ведь мы в ответе за тех, кого приручили. Тем более так быстро. А, может, это любовь? А?

— Жди здесь. — бросаю подруге и с улыбкой выхожу следом за беглянкой.

Лисенка стоит, закрыв лицо руками и шепчет:

— Дура... Какая все же я дура...

— Это невозможно. Я не знакомлюсь с девушками, которые о себе такого мнения. — обнимаю ласково ее.

Девушка поворачивается ко мне и с надеждой смотрит на меня.

— Правда? А мы знакомимся?

— Разумеется. Всерьез и надолго, Лисенка. Девушка удивленно смотрит на меня.

— Откуда вы знаете?..

— Ну, ты рыжая, с веснушками. Лиса, Лис, а ласкательно, значит, будет Лисенок, Лисенка.

— Да, точно. Так меня обычно и зовут друзья.

— Но для Лисенки ты слишком бесхитростна. Или я ошибаюсь?

— Ошибаетесь! Ну, иногда. Вот, как сейчас. — уже улыбаясь, отвечает Лис.

Снова это состояние спутанности. В голову приходит мысль о том, что Лис еще девственница. Слегка подталкиваю ее к дверям. Лис отходит. Я подхожу совсем близко к ней. Грудью касаюсь ее сисек. Опускаю руку вниз. Задираю подол сарафана выше. Лис глубоко вздыхает. Кладу руку на лобок. Приспускаю ее трусы. Она обеими руками упирается в мою грудь и закрывает глаза. Двумя пальцами массирую половые губы, чувствуя, как ее лоно увлажняется. Погружаю пальцы дальше. Упс, тупик. Девственная плева. Она вздрагивает, инстинктивно пытаюсь отстраниться.

— Подруги, поди, уже троллят. — ласково обращаюсь к Лис.

— Есть такое. — шепотом отвечает она.

— Бережешь себя для достойного. А его все нет и нет? — провоцирую я.

— Берегу. А вы достойный? — с надеждой в голосе спрашивает девушка, смотря мне в глаза.

— Поживем-увидим, Лисенка.

Я отхожу на шаг от нее. Она все еще напряжена. Так дело не пойдет. Надо помочь ей расслабиться.

— Сейчас долгий перегон. Никто сюда не зайдет. Поэтому у нас есть время.

— Время для чего?

— Для этого самого. Сними сарафан.

Лис покорно снимает его и мнет его в руках.

— Давай сюда.

Отдает. Я навожу на нее смартфон и фотографирую в полный рост. Она смотрит в объектив, улыбаясь и не отводя взгляд.

— Теперь трусы.

Чуть замешкавшись, снимает.

— Сюда.

Она отдает мне трусы и прикрывает лобок руками. Потом убирает их и вытягивается в струнку.

— Ты мне нравишься.

— Вы мне тоже.

— С этого момента на «ты». Поняла?

— Да.

— Умница.

Делаю несколько снимков. Она краснеет, но не пытается закрыться руками. Ее соски возбуждены. Между половых губок появилась капелька смазки. Сарафан вешаю на поручень, а трусы и смартфон прячу в карманы. По ходу, прятать чужие трусы становится традицией в наше время. Передо мной стоит голая девушка в одних кроссовках. Лис течет.

Я подхожу к Лис. Милая встряхивает головой и ее волосы окутывают нашу близость, создавая иллюзию вечного уединения, покоя и странной спутанности...

Дежавю? Отнюдь, просто я мысленно воспроизвожу одно и тоже же описание для этой интимной ситуации. С девушками, которых встречаю сегодня впервые. Почему так? Но бог любит троицу, значит, по идее сегодня произойдет и третья встреча, похожая на эту. Ну, да. Ведь еще есть и Кира.

Я отхожу от Лис на полшага и кладу руки ей на плечи. Смотрю ей в глаза. Лис, видимо, снова что-то там себе надумав, опускается на колени передо мной. Кладет руку мне на пах и, смотря вверх на меня, спрашивает:

— Можно?

— Можно, но попозже. Не сейчас, в общем. И еще. На людях теперь обращаешься ко мне словом «Хозяин». Поняла?

— Да, Хозяин.

— Ты еще ни разу не сосала?

— Увы, нет. — улыбается Лис.

А девочка то с чувством юмора. Сейчас это редкость.

— И готова взять член в рот здесь, в вагоне электрички. Где все тебя могут увидеть?

— Да. Я... Всегда готова. — как пионер отвечает Лис.

— Похвально. Но сейчас моя очередь...

— Взять в рот?..

— Пошутить тут мне. Останешься без куни...

— Ой! Хочу куни, хочу куни, хочу куни. — громко кричит Лис и радостно хлопает в ладоши, вешаясь мне на шею.

Снимаю ее руки с шеи и, как это сейчас модно говорить, социально дистанцируюсь.

— Обопрись о двери спиной и расставь ноги.

Лис быстро выполняет. Сажусь перед ней на корточки и беру ее за бедра. Крепко сжимаю. Пробую Лис на вкус. Языком. На моих глаза большие половые губы раскрываются, обнажая клитор и малые губки. Беру ее за руку и кладу к себе на голову. А то ведь не догадается. Лис кладет и вторую руку и прижимает мое лицо к своему распускающемуся розовому бутончику. Покрываю его легкими поцелуями. Вылизываю ее лоно. Потом делаю вращательные движения. Ускоряю темп. Лис начинает громко стонать. Замедляюсь и всасываю ртом ее клитор. Большие губы. Малые губы. По краям. Ее сок течет по моему лицу, тягучие капли тянутся на пол и падают. Я начинаю качать маятник. В большинстве случаев именно это движение приводит к быстрому оргазму в куни. Лис издает какой-то животный гортанный звук из самой утробы.

— Гр... Ыыы... Ах... О... Пожалуйста, еще. Да... Гр... Ыыы... Ах... Да... Да... Гр... Ыыы... Ааааа...

Всасываю клитор и не отпускаю. Лис бьется в оргазме. И начинает отталкивать мою голову от себя. Пару секунд я продолжаю ее мучать, а потом отодвигаюсь и встаю. Лис медленно сползает на корточки вниз. Беру сарафан и вытираю свое лицо. Лис по-прежнему сидит в прострации. Глаза в кучку. Закрывает и открывает их. Да уж, изголодалась девочка в ожидании принца. Фотографирую ее в таком положении. Хороший кадр. Память...

Неожиданно всплывают слова Африканыча о различии предназначения и призвания. Мысленно отдаю приказ: «Выброс себя из головы». Пустота и тишина. Так бывает, когда осознаешь нечто важное...

Даю Лис еще три минуты отдышаться и протягиваю руку:

— Вставай. Ты как? Жить будешь? С самоуничижением на сегодня, надеюсь, покончено?

— Да. Мне так хорошо, еще никогда не было. Спасибо тебе.

— Охотно верю. Привыкай. Теперь так будет всегда.

— Ой! Правда?..

— Правда. На тему оргазма, как и денег, я не шучу. Тебя когда-нибудь пороли?

— Мм. В детстве пару раз. А что?

— К порке ты тоже привыкнешь. Такова суровая проза жизни. Согласна?

— Да, Хозяин.

— Вот и умница. Идем.

Лис встает и одевает сарафан.

— Ммм. А трусы?..

— Обойдешься. Еще чего.

— Ага. Обойдусь. — и лыбится так самодовольно.

Осматриваю ее с ног до головы. Вид слегка помятый, но довольный и приятно расслабленный. Что и требовалось доказать. Подхожу к Лис, беру край подола и вытираю ей промежность. На сарафане остаются следы. Прекрасно...

Возвращаемся к Ае. Та берет с места в карьер:

— Ну, вы маньяки. Вас даже отсюда было слышно.

— Так это разве плохо? — возражаю лукаво я.

Лис садится и смущенно смотрит в окно с какой-то совсем уж неприлично глупой улыбкой на лице. Я падаю рядом Аей.

— У меня есть гипотеза об инварианте призвания человека. Возможно, призвание можно взять в качестве основания для проверки аутентичности. Помнишь, когда мы переписывались, я рассказывал про Основателей из Киева. Скидывал тебе ссылки на видосы с Африканычем. Так вот, он различает предназначение и призвание...

— Помню. Было дело. Предназначение — то, каким образом личность человека оказывается востребована обществом. Собственно, саму личность человек выращивает в себе, чтобы быть принятым в обществе. Сама по себе личность никуда не годится. Ну, разве что подрочить на нее. Типа, о, какая крутая у меня личность! А призвание — то, каким образом сам человек оказывается востребован богом. Т. е. призывает человека не государство, не общество, а только бог.

— Да. Внимание вопрос. После возвращения из небытия у человека могут измениться как предназначение, так и призвание?

— Думаю, смещение баланса может происходить сразу по двум вершинам. Так, а что в таком случае является третьей вершиной в треугольнике. — произносит Ая.

— Может быть, совесть. Например, Африканыч говорит о том, что личность проявляется исключительно в поступках. Очень важных. Которых в жизни много не бывает. — размышляю я. — Возможно, совесть, как и раз, и вмешивается в сюжет для личности. В общем, в моей картине мира призвание является инвариантом жизни человека. Так как бытие и небытие это лишь сфера приложения божественного замысла, явленного нам в жизни. В том числе, и человеческой... — По совести, может быть. Насчет призвания. Ну, вот Ксения Блаженная. Была Ксенией, умер у нее муж, и она в его одежде стала Ксенией Блаженной. Стала она другим человеком? Своим мужем? Кем-то еще? или Орлеанская дева. Тоже, жила-жила, а потом стала Жанной д'Арк. — возражает Ая.

— Личность изменилось, а призвание нет. Т. е. на роду было написано так?

— Личность изменилась. И возникло с ней новое призвание. — гнет свою линию Ая.

— А как же судьба — суждено богом? Т. е. инварианта нет?

— Так жизнь же прежняя закончилась. Мне кажется, что про спасение одного из преступников на кресте рядом с Христом — про это.

— А мне кажется, замысел божий неизменен. И сюжет подстраивается под это призвание.

— Но вот что. Если это сюжет, то там нет пресловутой свободы воли, нет выбора человека — прийти к Богу или нет. И в момент этого выбора — умирания и возрождения в Боге.

— Ну, да. Просто для меня важно разобраться с такой штукой как аутентичность. И я пытаюсь разделить её на проверку соответствия предназначению и призванию. Считаю, что такую проверку выполняет голос совести...

— Мне кажется, тут много спорных моментов. А вдруг, до какого-то события ты и не рождался как кто-то? В твоём рассуждении, кажется, присутствует постулат о наличии постоянного и непрерывности.

— Это гипотеза. — улыбаюсь я.

— Да, а я бы искала тут точки экстремума, с подозрением на разрыв.

— Хорошо. Двигаемся дальше. Давай поговорим про совесть. Может, совесть, выполняющая своими призывами проверку на аутентичность божественному промыслу, не меняется? Т. е. совесть божественный инвариант. И, возможно, внеязыковой. Т. е. суммой носимых человеком личностей мы можем пренебречь. Это лишь костюмчик.

— И что это значит?..

— Поносил личность — дай поносить и другому. — улыбаюсь я.

— Предлагаешь открыть фрактальный сэконд-хэнд из личностей шизофреников?..

— Типа того. Но не из готовых, а как бы фрагментов. Потому что воплощения гамильтоновской дисфункции реальности в нашем мире я не хочу.

— Ну, в этом что-то есть. Но мы отклоняемся от ключевого вопроса. Каким образом, постоянство и непрерывность божественного призвания поможет нам выжить и понять, что мы это мы, а не они, не оно или еще не кто-нибудь? Ты забываешь, что осознанность призвания...

— Проявляется через голос совести! Нам нужно оцифровать совесть...

— Звучит несколько пугающе. — хмурится Ая. — Ты хорошо подумал над реализуемостью такой задачи? Мы до сих пор никак не продвинулись в понимании сознания. А все имеющиеся модели не позволяют медицине успешно лечить психические болезни. Ты же сейчас замахиваешься на саму совесть.

— Хм, возможно, я неправильно выразился. Нам нужно добиться того, чтобы в небытии бог по-прежнему с нами разговаривал голосом совести.

— Но голос совести начинает, как правило, звучать тогда, когда человек накосячит, набедокурит или еще как-то ошибется. — задумывается Ая.

— Вот именно! В небытии нам нужно стремиться совершать ошибки и...

— Преступления? — подмигивает Ая. — Ты предлагаешь нам стать преступниками небытия?

— Для начала хотя бы понять, что такое «хорошо» и что такое «плохо» для небытия человека. А потом можно подумать и о лавке ведических ошибок, совершаемых в бытии и небытии человеком. Кстати, в одной из крупнейших международных корпорация ключевой ценностью признается аутентичность работника. И все работники регулярно проходят проверку именно на аутентичность. Т. е. реализуемое поведение работника

«дезассемблируется» до транслируемых им ценностей, компетенций и знаний. Не прошедшим проверку на аутентичность объявляют черную метку, т. е. могут уводить из Компании. Например, человек может декларировать стремление и приверженность к командной работе, а по факту смотреть с высока и работать исключительно с позиции «я — начальник, ты — дурак»...

После Сосново люди начинают выходить все чаще и в большем количестве. Вскоре остаемся мы в первой половине вагона и компания каких-то парней и девчонок, малолеток (хоть и совершеннолетних), во второй. Они, конечно, галдят и постоянно бегают в тамбур. Но нам это не мешает. Хорошая беседа. Можно снова пошалить.

— Лис, встань,ними сарафан и постой так. — приказываю я.

— Эм... Но меня же увидят те малолетки. — морщится Лис.

— Разумеется, они тебя увидят. Но, погодика-ка. Совсем недавно ты готова была отсосать у меня в тамбуре, а теперь тебе важно, что подумает о тебе эта гоп-компания? — вопрошаю я. — В общем, давай, раздевайся.

Лис встает и снимает через голову сарафан. И остается стоять. Голой. У всех на виду. Красная как рак, но с невозмутимым и серьезным выражением лица. В том конце затихают, а потом начинают улюлюкать. Ая ехидно смотрит на нее. Ничего, еще подружатся. Я достаю смартфон и делаю пару снимков. Затем, включаю видео и говорю:

— Пройдись по вагону. Туда и обратно.

— Да, Хозяин. — смиряется Лис.

Я оборачиваюсь и запечатлеваю ее неспешный променад. Компания в конце гудит. Какая-то девчонка презрительно бросает: «Шлюха». Запоминаю. А хоть бы и так. Времена нынче тяжелые. Как там, у Шурика: «На мир смотреть ширше, а к людям относиться мягше».

— Хозяин, я могу одеться? — спрашивает Лис. На ее лице одна эмоция сменяет другую. Стыд. Возбуждение. Непонимание. Удовлетворение. Смирение. Затем она улыбается.

— Никак нет. Держи эту штуку и снимай видео. Ая, теперь твоя очередь. Юбку и топик вон. И пошла от бедра.

Ая подмигивает нам обоим. Стаскивает шматье. Делает пару реверансов зажатым в руке топиком, бросая его на скамейку. И проходит через экзекуцию так же, как Лис. Возвращается. На том конце радостные возгласы и хлопанье в ладоши. Очевидно, ее мохнатка и непринужденная азиатская грация приходится публике по душе. Ну, вот. И настроение потихоньку улучшается.

Они обе стоят передо мной в ожидании. Голенькие и прекрасные. Все-таки БДСМ это тема. Я вам точно говорю. Впрочем, кто в Теме и так все понимает...

— Опуститесь на корточки и приступайте...

— Неужели минет? — с надеждой спрашивает Лисенка.

— Именно. И помните, что стоит на кону!

— Что? — хором спрашивают девчонки.

— Понятия не имею. Но что-то явно стоит...

— Член? — лукаво подмигивает Ая.

— Возможно. А, вспомнил! Они жили долго и счастливо, и умерли в один день...

— Я согласная. — первая отвечает Лисенка и тянется к моему паху.

— И я того же мнения. — опускается вниз Ая.

Забавно. Они по очереди, как будто это великая честь, расстегивают пуговицы на шортах.

Член сразу вырывается наружу (ага, трусов нет и не будет).

— Ая, ты работаешь зубками. А ты, Лис, — губками. Языком ласкаете обе. Понеслась душа в рай.

Девушки приступают. Кладу руки им на головы. Глажу. Наматываю на кулаки их волосы. Снимаю видео. Фотографирую. В общем, развлекаюсь как хочу и могу. Ая покусывает головку, проходится зубками по стволу. Затем уступает место Лис. Лис целует член везде, куда дотягивается. Потом мошонку, яйца. Берет головку в рот. Сосет неумело. Ну, да. Та еще мороженка. Но старается. Во взгляде — вековые жертвенность и преданность. Приятно, когда член воспринимают как подарок. Он дарит — она принимает в дар...

— Высунь язык. И попробуй взять его поглубже. — обращаюсь к Лис.

Она пытается. Поначалу у нее не получается, но постепенно результат улучшается. Тем временем Ая запускает пальцы в пещерку Лисенки и начинает ласкать ее там. Лис крутит попкой, стараясь насадиться на пальцы Аи.

— Ая, по аккуратнее там. Лис еще девочка и я хочу, чтобы она ею какое-то время оставалась.

— Да, Хозяин. Я уже поняла. У нее там так узко и горячо. Тебе понравится. Я даже немного завидую тебе сейчас. — выпендривается Ая и мурлычет довольно под нос что-то...

— Лис, поласкай рукой Аю тоже. Не будь эгоисткой...

Лис мычит что-то утвердительно и ее рука тянется к промежности подруги. Ая начинает громко стонать в ответ. Ну, вот баланс достроен и мы заключаем наш тройственный союз. Скоро, правда, он пополнится еще членами. Гы. Отставить. Одной весьма юной и пока еще живой пизденкой (епта, ну я и циник) и... Да, нужен еще парень. Слишком много женской энергии в стае. Странно, почему приходит на ум именно это слово? Стая по Винджу или лунная семья по Хайнлану. В этом что-то есть. Командный интеллект. А есть ли замысел у бога на человеческие союзы? Ведь на Адаму и Еву такой замысел изначально точно был. Или нет? Змий как метафора инобытия для Евы. Выходит, Ева была первой кто первым из людей побывал «там, де нас нэма». Можем ли мы в таком случае говорить об аутентичности стаи, вернувшейся из небытия или инобытия?..

Бля, кажется, я отвлекся. А дело то близится к развязке. Вагины издают милые сердцу чавкающие и хлюпающие звуки. Ая урчит, Лис ей поддакивает оханьем и аханьем.

— Гр... Ыыы... Ах... О... Пожалуйста, еще. Да... Гр... Ыыы... Ах... Да... Да... Гр... Ыыы... Ааааа... Мысли в сторону. Эх, чтобы мы делали без копипаста? Шучу-шучу, уважаемая публика. Обещаю к новой эротической сцене придумать другую комбинацию букв, символизирующих женскую страсть...

Девушки кончают практически одновременно. Ая в этот момент довольно ощутимо прикусывает член. Надо будет взять на заметку. Ае в момент оргазма член в рот лучше не класть, а то укусит. Укусит, укусит, укусит...

Вид кончающих девиц подводит и меня к оргазму. Освобождаюсь от зубов Аи и насаживаю голову Лис на хуй. Вот так-то лучше. Лис успевает высунуть язык и благодаря этому вгоняю член прямо в глотку.

— Посмотри на меня. — шепчу Лисенке.

Лис поднимает на меня ошалелый взгляд. На ее глазах наворачиваются слезы, слюнка тянется из уголка рта. Она мычит, но терпит. Умница. Ага, помню, я это уже говорил...

Изливаю семя. Кончаю. Бля, как же хорошо...

Разрешаю девчонкам одеться и привести себя в порядок. Наша оргия не проходит не

замеченной второй половиной вагона. Пусть порадуются за нас. Может, дома вздрочнут и помастурбуют перед сном. как торчат. Поди, и между ног уже река. Гы...

Девушка всхлипывает, но снимает шорты. Все смотрят то на ее стринги, то на сиськи. Она вновь прикрывается. Теперь уже одной рукой низ, а другой грудь.

— Ой, беда-беда, огорченье... Бля, ты долго будешь выпендриваться? Трусы сняла, руки убрала. Пизду всем показала. Живо. А то выебу тебя при всех. Ты этого добиваешься, сучка? Девчонка испуганно мычит.

— Нет. Пожалуйста. Я. Все. Сделаю.

Все молчат. Слышен только стук колес. Ждут и смотрят ей между ног. «Явсделаю» наклоняется и, наконец, снимает трусы. Забираю и кидаю к остальным шмоткам. Становлюсь лицом к ней, со стороны честной компании. Ну, и что тут у нас.

Ахуеть! Вот это пизденка у юной ссыкушки. На лобке интимная прическа в форме латинской буквы «V». Да ты у нас и, правда, победительница конкурса «Мисс пизда электрички». Половые губы эпилированы. Все гладенько и чистенько. Хоть еби, хоть вылизывай, хоть кнутом охаживай. Такая пизда все стерпит. Между половых губешек тихарится сочный клиторок. Из влагища выделяется капелька смазки, растягивается и превращается в свисающую тонкую ниточку. Лепота...

— Ая, Лис идите сюда. — бросаю клич подругам.

Те с интересом подходят.

— Пофоткайте это стыдобище, пока оно не обоссалось тут при всех.

— Нет, прошу вас. — Девчонка, как может, прикрывает руками пизденку и сиськи.

Я встаю и кидаю ей пощечину. Не сильно, но обидно. Девчонка закрывает лицо руками и начинает реветь пуще прежнего. Я развожу ее руки и опускаю их вниз.

— Ну, ну. Не реви. Сейчас все закончится.

Ая фотографирует, а Лис снимает видео этой вагоно-вагинной экзекуции. Память. Память. Память...

— Разведи половые губы и повторай: «Запомните меня пиздой». — обращаюсь к страдальце. Девушка, окончательно сломленная уже состоявшимся унижением, выполняет незамысловатое послушание. Разводит набухшие большие половые губы, смотрит на нас, на ребят из своей компании и произносит:

— Запомните меня пиздой... Запомните меня пиздой... Запомните меня...

И тут случается казус. Наша «Явсделаю», видимо, слишком сильно надавив на промежность и, набравшись храбрости или мудрости, решает таки помочиться при нас. Кап-кап-кап... Из пизды на пол бежит тоненькая струйка... Девушка, опомнившись, пытается сдержаться, но у нее не получается... Кап-кап-кап из ясных глаз Маруси капают горькие, капают кап-кап, капают прямо на копьё... Девчонки, ее товарки, начинают смеяться и переглядываться. Парни во всю таращатся девушке между ног. Ну, пиздец, друзья-товарищи. Ладно, держитесь. Аукнутся кошке мышкены слезки...

Я подхожу к девочке, становлюсь сзади. Беру под коленки, опрокидываю на себя и широко раздвигаю ее ноги. Улавливаю момент и направляю ее вагину на сидящих слева. Девочка не выдерживает и пускают сильную струю. Прямо на сидящих напротив. А потом направляю на сидящих справа. И тут начинается хаос, вакханалия, раздраз и вечные шатания...

Светопреставление, короче. Ребята вопят, закрывают руками лица и отчаянно пытаются выбраться из писающей на них ловушки. Но Ая и Лис, ничтоже сумняшеся, загораживают им

проход, со всех сил толкают обратно, опрокидывая на скамейки и даже на пол. Не забывая при этом снимать происходящее на камеру. Какие они у меня все-таки умницы...

Некоторым ее подругам мы с «Явсседаю» умудряемся насать прямо в рот. А хули было его раззевать и орать. Чай, не в Думе. Да и там тоже, как оказалось, не место для дискуссий. Гы... — Ххх... Не надо. Дайте пройти... А... Тьфу, тьфу... Она мне в рот насала... Сука, перестань... Хлю-хлю... Грхх... Грхх... Мамочки... Ххх...

Девчонки начинают реветь во всю мощь своих «онижедетских» голосищ. Так пора закругляться. Тем более, что живительный поток влаги постепенно уменьшается, иссыкает, а затем и вовсе прекращается...

Я освобождаю проход, мои подруги делают то же самое. Усаживаю девочку на скамейку рядом с ее одеждой. А вся честная гоп-компания сваливает из вагона за секунду. Остановка. Вижу, как они выскакивают из поезда. Что ж, разумное решение в сложившейся ситуации...

— Тебя как зовут? — спрашиваю у горемычной обоссанки.

— Викки. Можно, Вик. — всхлипывая отвечает девочка.

— Теперь ты с нами, Вик. — подбадриваю ее. — Идем.

Обнимаю и веду голышку к нашему логову. Ая и Лис подхватывают ее одежду и дружно топают следом. Достая влажные салфетки и протираю ей живот, промежность, попу, ноги. Везде, куда попала моча. Потом достаю бутылочку перуанского бальзама и наносю несколько капель на ладонь.

— Расставь пошире ноги и выпяти лобок, пожалуйста — прошу я.

Викки покорно выполняет, с некоторым любопытством глядя на меня. Касаюсь ее промежности и начинаю втирать масло в кожу. Лобок, набухшие большие половые губы, слегка раскрытые малые половые губки, клитор. Погружаю палец во влагалище. Викки вздрагивает, но не пытается высвободиться. И снова, здравствуйте, я ваша девочка. Целка. Сегодня прямо урожайный день на целочек-припевочек. Завершаю процедуру, смазывая слегка попу и ноги. В конце надеваю на нее шорты, помогаю с футболкой.

— Ммм. А трусы?..

— Обойдешься. Еще чего.

— Ага. Обойдусь. — и лыбится так самодовольно.

Ая и Лис завороченно переглядываются. Прямо, дежавю сегодня какое-то по этим трусам. Честное слово...

Мы рассаживаемся. Ая и Лис напротив. Викки со мной рядом. Достая термос и кружки. Разливаю всем крымский травяной чай.

— Ну, за знакомство, девчонки. В нашем мире, а не виртуальном. Да-да, Ая. Это тебя касается. Три года мы с тобой виртом страдали. Однако, срок. С пользой для дела, разумеется. Ты создала Тихий дождь...

— Ну, не без твоих прагматических вирусов. — лукаво подмигивает Ая.

Мы чокаемся кружками с горячим ароматным чаем. Крымский, мать его, чабрец. Вещь... Пьем молча. Неожиданно раздается звонок и я принимаю вызов.

— Алло! Кто говорит? — с улыбкой произношу я. — Да, вижу-вижу. У меня твой номер забит. Ты же наша первая подопытная крольчиха.

— Это Даша. — обращаюсь к Ае. — Тебе привет.

— Благодарю и ей тоже большой и пламенный привет.

Выслушиваю Дашу.

— Благодарю, что позвонила и сообщила радостную весть. Удачи тебе и твоему Дому. Берегите себя. На связи. Пока-пока. — завершаю разговор.

— В общем, у Даши все хорошо. Тихий дождь верно определил сценарий изменений в ее образе жизни, а также в образах мира и себя. Зависимости от твоей шаманской травки у нее не возникло. А мы переживали. Соответственно, и мой вирус прижился. Черную дорогу она прошла успешно. Вот уже полгода она встречается с Домом и тот предлагает ей переехать к нему. Скоро, у них будет ребеночек. Обещает скинуть фотографии их совместных сессий по Кинбаку. Он помогает расширить ее книжный бизнес. Теперь у них открывается антикафе, оборудуют игровую комнату для иммерсивных постановок с читателями. В общем, они на подъеме. Это радует...

— Дети — наше все. — мечтательно произносит Ая.

— Хозяин, что такое этот ваш Тихий дождь и какой-то вирус? — вопрошает Лис.

— Про Тихий дождь вы услышите, когда мы с клиентом будем разговаривать на Кильполе. Ну, если, конечно, он захочет стать нашим клиентом и доверить нам свою дочь, Киру. Впрочем, выбор у него не велик. Хотя лично я буду рад, если он откажется. Стремно как-то ставить эксперимент на умирающем подростке, пусть даже во имя спасения его жизни. А прагматический вирус в его текстовой версии я вам сейчас зачитаю. Слушайте.

Тебе плевать на их премудрости — тебя заводит слово «глупости». Людей читаешь как тексты, воссоздавая себя по букве. И кажется, что они не кончатся. Но проснувшись, понимаешь: «Мужчины проходят мимо твоего книжного магазина». В тебе видят красавицу и умницу, а хочется быть униженной. Ты завидуешь подругам, которые довольствуются малым. А они? Никто из них так и не последовал совету — по утрам пить кофе со спермой. Впрочем, не у всех теперь есть это будущее — унести в голове больше одной личности. А, может, оно и к лучшему? Ты любишь одеваться слоями из поступков, предчувствий, помыслов. А мужчины? Ведь могли бы заказать стриптиз, обнажение. Но боятся смотреть в твое рефлексивное зеркало. И все, что тебе остается — красить ногти в разноцветия для поднятия настроения, возбуждаясь на слово «глупости»...

Мы прибываем в Приозерск в молчании и раздумьях. В ожидании чего-то иного, доселе не случавшегося с нами. А, может, оно и к лучшему?..